

Б. Н. Чичерин

**История политических
учений**

**Часть 1. Древность и средние
века**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б11

Б11 **Б. Н. Чичерин**
История политических учений: Часть 1. Древность и средние века / Б. Н.
Чичерин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 454 с.

ISBN 978-5-518-08163-5

ISBN 978-5-518-08163-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПОСВЯЩАЕТСЯ

БЫВШИМЪ ТОВАРИЩАМЪ,

Сергѣю Михайловичу Соловьеву,

Ивану Кондратьевичу Бабсту,

Михаилу Николаевичу Капустину,

Сергѣю Александровичу Рачинскому,

Оедору Михайловичу Дмитріеву,

и

Студентамъ Московскаго Университета.

Печатаю начало курса, который я в теченіи шести лѣтъ читалъ въ Московскомъ Университетѣ, я посвящаю его всѣмъ, кто въ университетѣ былъ мнѣ дорогъ. Много въ продолженіи этого времени приходилось испытать и отраднаго и тяжелаго; но изъ всего этого, какъ драгоценный кладъ, я вынесъ воспоминаніе о лучшихъ, свѣтлыхъ сторонахъ университетской жизни. Прошло около года съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ кафедру; въ деревенской тиши успокоилось чувство, возмущенное чело-вѣческой неправдою, и нынѣ я могу хладнокровнѣе смотрѣть на прошедшее. Лично для себя я не сѣтую на то, что совершилось. Принужденный покинуть мѣсто, на которомъ оставаться не позволяла мнѣ честь, я сохранилъ возможность работать для тѣхъ, для кого работалъ и прежде. У меня болѣе досуга для любимыхъ занятій; возвратилась и свобода, всегда драгоценная чело-вѣку. Но я не могу не обратиться съ печалью и сомнѣніемъ къ тому учрежденію, которое я, какъ святыню, носилъ въ своей душѣ. Не могу не обратиться съ грустнымъ словомъ я къ вамъ, мои бывшіе товарищи, разлученные нынѣ, какъ живой примѣръ того, что искреннее, безкорыстное стремленіе къ правдѣ не всегда бываетъ залогомъ успѣха. Мы нѣкогда, дѣйствуя вмѣстѣ, пытались стать на твердую почву закона; но оказалось, увы! что это былъ путь самый скользкій. Мы думали, что правое дѣло само собой найдетъ себѣ заступниковъ, и не обрѣли ни одного. Мы вмѣстѣ съ вами встрѣтились лицомъ къ лицу съ такими явленіями, которыя оставляютъ въ жизни неизгладимые слѣды, и которыя могли бы заставить насъ усомниться и въ людяхъ и въ обществѣ, если бы дружеская рука, поданная во имя добра, не подкрѣпляла

нашихъ силъ, если бы благодарное слово, идущее отъ молодаго сердца, не возбуждало въ насъ лучшія надежды. Мы видѣли униженіе правды и закона; мы видѣли клевету, расточаемую на всѣ стороны, безстыдное искаженіе истины въ журналахъ, преданныхъ нечистому дѣлу; мы видѣли и ту нравственную низость, которая, роаясь въ чужой душѣ, старается загрязнить внутреннія, невѣдомыя ей побужденія человѣка. Но если бы намъ опять пришлось идти тою же дорогой, мы съизнова должны были бы сдѣлать то, что мы сдѣлали. Какъ честные люди, мы не могли поступить иначе. Когда передъ нами совершался цѣлый рядъ беззаконій, позволено ли намъ было молчать? Это было невозможно. Гдѣ есть беззаконіе, тамъ долженъ быть и протестъ. Онъ можетъ быть практически бесполезенъ, но онъ всегда нравственно необходимъ. Это не только право, это прямая обязанность каждаго гражданина, каждаго члена коллегіи, обязанность, отъ исполненія которой зависитъ прочное утвержденіе законнаго порядка въ русскомъ обществѣ. Протестуя во имя права и законной свободы голоса, мы возбудили противъ себя злобу и подверглись осужденію. Но есть одно, чего никто у насъ отнять не можетъ; это — сознание исполненнаго долга, передъ закономъ и передъ совѣстью. Не успѣхъ, а увѣренность въ правотѣ своихъ цѣлей и въ чистотѣ своихъ побужденій даетъ нравственную силу человѣку. Нося въ себѣ это сознание, онъ можетъ смѣло глядѣть въ лице неправдъ сильныхъ и отвѣчать презрѣніемъ на беззастѣнчивую клевету.

Этою книгою посылаю я и вамъ мой задушевный привѣтъ, мои бывшіе слушатели, которыхъ трогательное прощаніе всегда останется во мнѣ живымъ воспоминаніемъ сердца. И наши отношенія клевета старалась заподозрить: пускали молву о тайной и явной агитаціи. Но здѣсь всякій изъ васъ, всякій изъ сотенъ молодыхъ людей, не привыкшихъ лицежрить, можетъ явиться неподкупнымъ свидѣтелемъ правды. Всякій изъ васъ можетъ сказать, что единственное, что соединяло профессора съ студентами, было чистое и безкорыстное служеніе наукѣ. Эта связь осталась и теперь, когда профессора нѣтъ уже въ университетѣ. Шадавая курсъ, встрѣченный вашимъ сочувствіемъ, я спѣшу исполнить обща-

ніе, данное вамъ при разставаніи; я хочу содѣйствовать по мѣрѣ силъ, если не словомъ, то перомъ, занятіямъ университетской молодежи. Ей прежде всего я посвящаю эту книгу, которая составляетъ, могу сказать, плодъ двадцатилѣтней работы. Изложенные здѣсь взгляды зародились во мнѣ почти съ самаго начала моихъ научныхъ занятій и сопутствовали всѣмъ моимъ прежнимъ трудамъ. Многое, безъ сомнѣнія, измѣнялось съ теченіемъ времени, при большей зрѣлости мысли, при болѣе основательномъ знакомствѣ съ предметомъ. Не вдругъ можно было, опираясь на фактическія изслѣдованія, установить тѣ основныя категоріи, которыя служатъ общею связью системы. Изучая науку, я постепенно пріобрѣталъ и большее уваженіе къ явленіямъ прошедшаго; я научился видѣть въ нихъ не переходящіе моменты развитія, а выраженіе вѣчныхъ истинъ, присущихъ человѣческому разуму. Но основная нить мысли, которая мною руководила, осталась таже, что и прежде. Не льщу себя надеждою, что я разрѣшилъ ту задачу, которую я себѣ поставилъ. Она слишкомъ обширна для одного изслѣдователя и требуетъ работы многихъ поколѣній. Я старался свести къ нѣкоторымъ общимъ, простымъ и яснымъ началамъ совокупность явленій человѣческой исторіи, философіи и права, и на этомъ основаніи вывести общій законъ развитія человѣчества. На сколько я успѣлъ подвинуть эту задачу, пусть судятъ другіе. Я могу только предлагать тѣ результаты, къ которымъ привело меня многолѣтнее и добросовѣстное изученіе науки.

Сезо Карауль.

12 Ноября 1868.

ВВЕДЕНІЕ.

Древніе называли исторію наставницею жизни. Съ неменьшимъ основаніемъ можно назвать ее наставницею мысли. Исторія есть опытъ человѣческаго рода, черезъ который мысль приходитъ къ самопознанію. Какъ природа физическаго организма познается изъ физиологическаго его развитія, такъ разумныя силы, составляющія естество человѣка, познаются изъ историческаго ихъ проявленія. Въ исторіи мысли раскрывается ея существо и лежащіе въ ней законы; исторія служитъ ей и повѣркою собственной ея дѣятельности. Въ отличіе отъ физическаго организма, вѣчно прикованнаго къ однимъ и тѣмъ же формамъ, мысль способна отрѣшиться отъ историческихъ началъ. Мы видимъ, что иногда, отрицая свое прошедшее и черпая свое содержаніе изъ себя самой, она какъ бы создаетъ изъ себя новый міръ. Въ этомъ состоитъ величіе разумной природы человѣка. Но эта повышенная способность, главное орудіе человѣческаго совершенствованія, имѣетъ свою оборотную сторону и неизбежно ведетъ къ заблужденіямъ. Оторванная отъ историческихъ корней, мысль легко уносится въ безпредѣльное пространство, теряя твердыя точки опоры. Она впадаетъ въ одностороннія направленія, противъ которыхъ возмущается жизнь. Стремясь по своему передѣлать дѣятельность, она оказывается безсилною передъ этою дѣятельностью. Высшій законъ, законъ необходимости, снова вводитъ блуждающую мысль въ должную колею и возстановляетъ порванную нить преемственнаго развитія. Мало того: въ общемъ ходѣ исторіи самыя отклоненія отъ историческаго пути составляютъ не болѣе какъ отдѣльныя звенья въ общей цѣпи явленій, связанныхъ внутреннимъ закономъ. Близорукую

наблюдателю они кажутся началомъ совершенно новаго порядка; истинный историкъ усматриваетъ въ нихъ живую нить, соединяющую прошедшее съ будущимъ. Эти явленія служатъ переходомъ отъ низшаго строя жизни къ высшему, отъ недостаточнаго опредѣленія къ болѣе полному и широкому. Человѣческой мысли свойственно двигаться черезъ одностороннія начала, чтобы достигнуть полноты развитія. Она покидаетъ историческую почву, но для того только, чтобы снова къ ней возвратиться, съ болѣе богатымъ содержаніемъ.

Раскрывая такимъ образомъ совокупность проявленій мысли въ преемственномъ ея ходѣ, исторія даетъ намъ ключъ въ различенію истиннаго отъ ложнаго, существеннаго и прочнаго отъ случайнаго и преходящаго. Истинное въ исторіи не всегда то, что ново. Нерѣдко новое бываетъ выраженіемъ одностороннихъ взглядовъ и еще чаще повтореніемъ старой односторонности, всплывающей вновь на поверхность при извѣстномъ направленіи умовъ. Истинно то, что прочно, что лежитъ въ самой природѣ вещей, а потому проявляется всегда и вездѣ. Вѣчная истина — старая истина. Къ исторіи вполне прилагается изреченіе великаго германскаго поэта-философа: «старайся постигнуть старую правду».

Die Wahrheit war schon längst gefunden,
Nur edle Geisterschaft verbunden.
Das alte Wahre fass es an!

Поэтому историкъ долженъ относиться къ явленіямъ прошедшаго не съ отрицательной, а съ положительной стороны. Онъ долженъ отыскивать въ нихъ не то, что ложно, а то, что истинно. Когда мы изучаемъ предметы физической природы, мы смотримъ на нихъ, какъ на извѣстныя проявленія естественныхъ силъ и законовъ, которые въ низшихъ организаціяхъ выражаются положительнымъ образомъ, точно также какъ и въ высшихъ. Эту точку зрѣнія слѣдуетъ приложить и къ познанію умственнаго міра, не упуская изъ виду идеальнаго совершенства, какъ высшаго требованія духа, но стараясь постигнуть совокупность историческихъ явленій, какъ разнообразныя выраженія этого самаго духа. Только поверхностное пониманіе исторіи видитъ въ ней одни заблужденія человѣческаго ума; болѣе глубокое ея изученіе убѣждаетъ насъ, что въ ней раскрывается сама истина. То, что называется заблужденіемъ обыкновенно ничто иное, какъ односторонняя или относительная истина. Воззрѣніе, которое слагается въ систему, которое пріобрѣтаетъ прочность и возводится на степень историческаго явленія, непременно измѣ-

еть весьма существенныя основы. Ложь заключается въ немъ главнымъ образомъ въ отрицаніи другихъ началъ, въ томъ, что известное, совершенно истинное опредѣленіе принимается за единственное или по крайней мѣрѣ за преобладающее. Отсюда невѣрные выводы, которые даютъ ложный оттѣнокъ всей системѣ. Но если историческія заблужденія ничто иное какъ одностороннія направленія мысли, составляющія необходимое условіе самаго ея развитія, то побороть подобное заблужденіе можно не простымъ отрицаніемъ, что было бы такою же односторонностью, а единственно признаніемъ существенныхъ его основъ и введеніемъ его въ общую связь историческихъ явленій, гдѣ оно займетъ подобающее ему мѣсто. Въ исторіи мысли каждая система представляетъ известную сторону истины, которой полнота раскрывается въ совокупности всѣхъ воззрѣній, на сколько они успѣли проявиться изъ дѣйствительности.

Но спрашивается: дасть ли намъ исторіи достаточно явленій для всесторонняго пониманія истины? Не находимся ли мы еще въ началѣ развитія? На это возраженія останавливаться нельзя. Итъ сомнѣніи, что полное познаніе истины можетъ быть только въ концѣ всего развитія человечества. Но съ другой стороны было бы также ошибочно думать, что въ прошедшемъ истина находится только въ смутныхъ зачаткахъ, что будущее готовить человѣческому разуму, можетъ быть, новыя, невѣдомыя доселѣ откровенія. Если истинно то что вѣчно, что лежитъ въ самомъ существѣ мысли, что проявляется, какъ необходимое требованіе, во всѣхъ ея отношеніяхъ къ вышнему міру, то будущее не дасть намъ ничего существеннаго, что бы не было въ прошедшемъ. Оно можетъ принести большую полноту содержанія, но оно не измѣнитъ самыхъ началъ, ибо начала, вытекающія изъ природы вещей, всегда одни и тѣже. Поэтому мы видимъ въ исторіи мысли постоянное повтореніе однихъ и тѣхъ же воззрѣній, которыя возвращаются въ силу необходимости, какъ скоро человѣческой умъ, стараясь изслѣдовать предметъ, переходитъ одну за другою всѣ разнообразныя его стороны.

Достоверность этого положенія вполне подтверждается исторією политическихъ ученій, которая представляетъ намъ не только лучшее руководство къ познанію основныхъ началъ государственной жизни, но вмѣстѣ и самый удобный путь къ уразумѣнію исторіи вообще.

Въ исторіи можно различить двѣ главныя области, въ которыхъ работаетъ и дѣйствуетъ человѣческій разумъ: теоретическую и практическую. Познаніе теоретическаго развитія мысли въ ея чистотѣ дасть

намъ исторія философіи; высшая же сфера практической жизни есть государство. Исторія политическихъ ученій занимаетъ средину между обоими, между философскимъ ходомъ мысли и практическимъ развитіемъ государственныхъ учреждений. Въ ней, какъ въ зеркаль, отражается то и другое. Съ одной стороны, она находится въ непосредственной связи съ исторіей философскихъ системъ, которыя заключаютъ въ себѣ и политическія теоріи; съ другой стороны она идетъ параллельно съ движеніемъ жизни, то руководствуясь ея требованіями и почерпая изъ нея свои начала, то направляя ее своими идеями. Такимъ образомъ, здѣсь, на общей почвѣ, изображается не только преемственный ходъ мысли, но и самый ходъ жизни. Поэтому въ исторіи политическихъ ученій всего удобнѣе изслѣдовать историческое развитіе человѣчества и отыскать управляющіе имъ законы.

Съ перваго взгляда, воззрѣнія на государственную жизнь представляются безконечно разнообразными. Здѣсь проявляются самыя противоположныя требованія и точки зрѣнія. На этой почвѣ скорѣе всего разыгрываются и страсти, ибо государство, обнимая подъ своимъ верховнымъ владычествомъ всю совокупность человѣческихъ интересовъ, слишкомъ близко касается всѣхъ. Идеалисты и реалисты, либералы и консерваторы, богатые и бѣдные, все обращаются къ нему для исполненія своихъ желаній и надеждъ. Одни отправляются отъ существующаго, другіе хотятъ переѣлать по своему весь общественный бытъ; одни видятъ въ личности источникъ и цѣль всего политическаго устройства, другіе смотрятъ на свободу, какъ на революціонное знамя, противъ котораго слѣдуетъ всѣми силами бороться. Каждый воздвигаетъ свою систему, стараясь оправдать свои требованія высшими началами общечеловѣчества. Внимательное изученіе политическихъ теорій убѣждаетъ насъ однако, что все это разнообразіе взглядовъ сводится къ нѣкоторымъ основнымъ группамъ, которыя постоянно повторяются въ исторіи, а изслѣдованіе самаго содержанія системъ показываетъ, что эти группы соответствуютъ основнымъ элементамъ государственной жизни. Нѣтъ и не можетъ быть сколько нибудь серьезной теоріи, которая отправлялась бы отъ несуществующихъ данныхъ; это было бы чистымъ безуміемъ. Каждая содержитъ въ себѣ относительную истину; каждая беретъ положительное, лежащее въ самомъ существѣ государства начало и развиваетъ его во всѣхъ его послѣдствія. Но обыкновенно она упускаетъ изъ виду, что это начало не единственное, что есть и другія, столь же существенныя и необходимыя, какъ